

Я бы солгал, сказав, что я уже много знал о Фонде Акагами. Это не самая известная организация во всём мире. К тому же люди вроде меня, родившиеся в Кобэ, выросшие в Хьюстоне, штат Техас, и проживавшие в Киото, вряд ли бы знали о нём много хотя бы потому, что фонд по большей части работал в регионе Канто.

Говоря проще, особняк Акагами был домом для невероятного наследия баронов бизнеса. Их деятельность вроде бы была связана с торговлей, либо у них была система, в которой деньги текли сами по себе. Я не точно не знаю, чем именно они занимаются, но, чем бы оно ни было, одно было точно: Фонд Акагами был при деньгах.

Имея недвижимость не только в Японии, но и во всём мире, Фонд Акагами также владел островом Пера промокшей вороны. А владела особняком, сделанном в западном стиле, посреди того острова не кто иная, как Акагами Ирия.

Как вы можете догадаться по её имени, Ирия была связана с главой Фонда Акагами — точнее, является его внучкой. Она была принцессой с родословной, для которой никакая угодливая похвала не была чрезмерно угодливой. Со временем она унаследовала огромные суммы богатств и немыслимую власть и стала управлять множеством подчинённых. Но потом сам глава Фонда полностью разорвал с ней связи. Поэтому, наверно, лучше говорить обо всём этом в прошедшем времени.

Отрезана.

Я не знаю, что такого она сделала, чтобы заслужить это, но, должно быть, это было нечто немыслимое.

Предположительно, её единоразово исключили из семьи пять лет назад, когда ей было шестнадцать лет.. На тот момент глава семьи оставил её с небольшим выходным пособием (которое, наверно, всё ещё включало в себя немыслимую сумму денег для среднестатистического Джона вроде меня) и этот остров, омываемый водами Японского моря.

Другими словами, её изгнали.

Может быть, в наши дни это кажется старомодным. Но не мне всё же вмешиваться в то, как другие люди живут. Особенно, если эти люди относятся к могущественной организации, которая сама по себе является отдельным миром.

В любом случае, Ирия провела последние пять лет здесь со своими четырьмя горничными, ни разу не высунув с острова даже ногу. пять лет на этом Богом забытом острове в глуши, без развлечений, без ничего. В каком-то смысле это походило на жизнь в Аду, хотя, если взглянуть по-другому, это также немного напоминало жизнь в Раю.

Но чувствовала ли Ирия-сан одиночество или уныние? Вполне, можно было бы сказать, что Кунагису пригласили на этот остров, чтобы развеять скуку Ирии. Но сюда пригласили не только Кунагису. Без преувеличения можно отметить, что Аканэ-сан, Маки-сан, Яёи-сан и Канами-сан так же оказались здесь с той же целью.

Ну, хорошо. Возможно, это немного преувеличение.

В любом случае, не имея права покинуть остров, Ирия-сан сказала: «Ну, так уж и быть», — и начала приглашать к себе самых выдающихся фигур в мире.

Словосочетание «выдающиеся фигуры» звучит немного странно, позвольте мне перефразировать. Ирия решила приглашать так называемых гениев в свой особняк. План был прост: «Если я не могу пойти к ним, то они придут ко мне.»

Известные и не очень, все, кто имел настоящий талант и невероятные умения, были вызваны Ирией-сан один за другим. Все затраты, включая затраты на размещение, оплачивались Ирией-сан, конечно же. Вообще, гостям острова часто предлагали деньги, поэтому это положение дел для них почти всегда было выигрышным.

Мне казалось, что Ирия намеревалась придать своему острову образ древнегреческой гостиницы, собирая у себя всех этих художников и гениев у себя и резвясь с ними и при этом проживая плодотворную жизнь. Эта идея была определённо не самой обычной, но при этом в ней было что-то удивительное. Помимо особняка и леса, на острове ничего не было — почти безжизненный остров, — и для тех уставших от жизни талантливых мужчин и женщин, которым требовалось отдохнуть душой и телом, это место было идеальным. И именно поэтому план Ирии-сан возымел потрясающий успех.

Перейдём к делу.

Бесцельно гуляя по этому пустынному острову и наслаждаясь лесом, я неожиданно наткнулся на Синью-сана у растущего вдалеке вишнёвого дерева.

— О, э-э, так, я имел ввиду... — сказал Синья-сан, протягивая мне руку. — Вы ранняя пташка, да? Мистер... э-э, напомните мне ещё, как вас зовут? Простите, у меня плохо с памятью.

Он был выше меня на пол-головы, а его дизайнерская одежда — лучше моей. Выражение его лица было кротким, манера речи — тихой, такими же были его одежда и фигура, но я не мог сказать, был Синья-сан кротким или нет. У меня нет права судить о ком-либо только по внешности, да и я буду последним, кто станет делать поспешные выводы при условии, что я знаком с человеком всего несколько дней.

— Не думаю, что я когда-либо называл его, — ответил я, пожав плечами. — Я всего лишь помощник Кунагисы Томо. Незачем помощнику иметь имя, верно?

— Для тебя это чересчур скромно. Не то чтобы это удивляло, будучи на этом острове, но говоря о помощниках, я уверен, что мы с тобой в одной лодке, — сказал Синья-сан и ухмыльнулся.

Да, мы с Синьей-сан были именно мальчиками на побегушках. Наверно, говорить об этом уже не нужно, но я гулял здесь не потому, что я был каким-то гением. Кунагиса Томо была тем самым «гением», а я — всего лишь её слуга. Не скажи она мне: «Ии-тян, выяснилось, что я отправлюсь на какой-то остров, поэтому будь добр, поедь со мной, хорошо?» — то прямо сейчас я был уже в своей комнате размером в четыре татами и собирался бы идти в школу.

Без сомнений: основным персонажем является Кунагиса Томо. Давайте говорить начистоту.

А что касается той, кого Синья-сан сопровождал, то она, ну, была прямо под цветущей вишней. Она пристально смотрела на развевавшиеся лепестки вишни.

У неё были синие глаза и золотистые волосы. Её бледное платье напоминало платья из французского кино и было украшено ослепительными украшениями. Одно лишь её ожерелье или браслет из тех, что были на ней, скорее всего, стоило больше, чем моя печень. Я всё равно не смог бы на это заплатить, даже если бы продал каждую часть своего тела.

Ибуки Канами. Одна из гениев.

С рождения страдая от проблем с ногами, насколько я могу судить, она была прикована к инвалидной коляске. Поэтому Синья-сан, будучи её сиделкой, последовал за ней. Также я слышал, что ещё несколько лет назад она была совершенно слепой. Её синие глаза не были признаком иностранной крови в ней.

Канами-сан была художницей.

Даже я, ничего не смыслящий в этом, слышал о ней. Она прославилась как художница, у которой нет единого стиля. Вообще мне никогда не доводилось видеть её картины, но мне казалось, что она пристально смотрела на цветущую вишню, чтобы позднее изобразить её на холсте.

— Что она делает?

— Как ты можешь видеть, она смотрит на цветущую вишню. До момента, когда лепестик начнут опадать, осталось недолго. Ей нравится этот «момент перед смертью» или, если вам удобнее, нечто эфемерное в жизни.

Большая часть деревьев на острове были самыми обычными и стоили, наверно, дешёво, но, по неизвестной причине, среди них была только одна вишня. На вид она была старой, и сам факт того, что она была единственной на всём острове, можно назвать именно странным. Скорее всего, Ирия-сан, сама пересадила её сюда.

— Поговаривают, что покойников хоронят под вишней, да?

— Как страшно.

Ой.

Я всего лишь хотел поддержать разговор, но в итоге одним махом оборвал его. Да, это было весьма страшно.

— Да шучу я, — рассмеялся Синья-сан.

— Лично мне кажется, что в этой легенде было бы больше смысла, если бы речь в ней шла о сливовом дереве. Но потом мне показалось, что тогда это был бы мир, а не легенда? Ха-ха-ха!

— Кстати, парень, ты уже привык к этому острову? Ты ведь уже третий день здесь, так? Эм, повтори, на сколько дней ты прибыл?

— На неделю. У меня есть ещё несколько дней.

— М-м-м, как плохо, — сказал он с оттенком загадочности в голосе.

— Что в этом плохого?

— Просто я недавно узнал, что любимчик Ирии-сан придубет сюда через неделю. Но если ты уедешь через четыре дня, то не сможешь увидетсья с ним, ведь так? Это так плохо.

— О, теперь я понимаю, — кивнул я и задумался на миг.

«Любимчик» Ирии-сан.

Иными словами, гений среди гениев.

— Шеф-повар, прорицательница, учёная, художница и инженер. Кто ещё может быть?

— Ну, деталей я не знаю, но этот человек, наверно, способен вообще на всё. Не «специалист», а «эрудит». Хикари-сан говорит, что ум этого человека остёр, как игла, и что он обладает молниеносной реакцией.

Хм-м. Ещё один крайне весьма удивительный человек. Давайте предположим, что это был всего лишь до одури нелепый слух. Факт существования такого слуха вообще указывал на то, что конкретно тот человек не был похож на остальных. Я бы соврал, сказав, что я не заинтригован.

— Не помешало бы встретиться с этим человеком, наверно. Что думаешь насчёт попытки попросить о продлении своего пребывания здесь? Я уверен, что Ирия-сан точно будет рада тебе.

— Звучит хорошо и всё такое, но... — наверно, я выглядел не таким одухотворённым. — Буду честным, на этом острове немного душно. Для кого-то вроде меня. — Сказал я.

Синья-сан громко захохотал.

— Стоп, стоп. Стоп-стоп-стоп-стоп-стоп, парниша. Всё именно так? Ни Канами-сан, ни Акаме-сан, ни кто-либо ещё не вызвал в тебе никаких заскоков, что ли?

Заскок. Даже предполагая, что об этом нельзя было бы рассказать так прямо, я всё равно ощущал нечто похожее. Синья-сан решительно похлопал меня по плечу.

— Нет причин умалять себя на фоне этой толпы, так? Давай держаться вместе, коллега! И неважно, Канами-сан ли это... — Канами-сан пристально смотрела на вишню, будучи под ней.

— Будь то Аканэ-сан, Яёи-сан или даже Кунагиса-тян, если бы они играли с нами обоими в «Камень, ножницы, бумага», то они бы победили только в одном случае из трёх. Полагаю, Маки-сан тогда была бы исключением, но это неважно.

— Это весьма прямолинейно сказано.

Не говоря уже о том, что Синья-сан только что упомянул свою нанимательницу через словосочетание «этой толпы». Я не хочу сказать, что они вцепились друг другу в глотки или что-то типа того, но вполне возможно, что Синья-сан и Канами-сан не были такими уж и лучшими друзьями.

— Талант не так важен. Я вот, к примеру, рад, что у меня его нет. Это того не стоит.

— С чего бы?

— Если ты имеешь талант, то тебе придётся приложить усилия. Быть обычным легко. Если спросить меня об этом, то я скажу, что отсутствие чего-либо, что нужно отточить до мастерства, — это преимущество, — сказал Синья-сан, цинично пожав плечами. — Кажется, мы отошли немного от темы. В любом случае, я не считаю, что произойдёт нечто ужасное, если ты сможешь продлить время своего пребывания здесь. Да и весьма вероятно, то этот «эрудит» победит нас в «Камень, ножниц, бумага» три раза из трёх.

— Ну, я поговорю об этом с Кунагисой... Мальчик на побегушках вряд ли примет решение касательно этого вопроса сам.

— Так я и думал, — сказал он. — Ты очень похож на меня, — добавил он, смотря мне в глаза.

Его взгляд очень сильно сбивал с толку. Это вызвало у меня неприятное чувство, когда за тобой следят.

— Ты и я? Похожи? В каком смысле? Каким образом?

— Не говори об этом с такой радостью. Точнее, мы практически идентичны в том, что придерживаемся идеи собственной принадлежности к миру.

Видимо, не собираясь объясняться впредь, он отвёл свой взгляд и вновь посмотрел на Канами-сан. Как и ожидалось, она, сосредоточившись, всё ещё смотрела на цветущую вишню. Её окружала некая трансцендентность, будто это единственное место было оторвано от всего мира. Она казалась бесподобной, даже неприкосновенной.

— Получается, Канами-сан рисовала с момента прибытия сюда?

— Ну, скорее, она прибыла на этот остров, чтобы рисовать. Только этим она и занимается, в конце концов. Думаю, ты мог бы сказать, что она живёт, чтобы рисовать. Ты можешь в это поверить? — говорил он с ноткой разочарования в голосе, но если воспринять его слова как истину, то они описывали невероятно завидное существование; жизнь, в которой то, чем ты хочешь заниматься, и то, что ты должен делать, напрямую связаны. Это был такой стиль жизни, о котором я не мог и мечтать. Я, который так и не понял, чего бы мне хотелось и что я должен был делать.

Я заметил, что Синья-сан смотрел на меня, злобно ухмыляясь, будто он только что вспомнил плохой розыгрыш. Я немного отпрянул от него. Я начал ощущать нечто плохое, что-то вроде предчувствия. А затем Синья-сан в лицо, кричавшим что-то вроде «Я только что услышал откровение от Бога», нарочно хлопнул в ладоши.

— Верно! Это такая отличная возможность, поэтому почему бы тебе не попробовать себя в роли модели? — Он подвинул меня, в то время как я стоял, не зная, что сказать и как это понимать, и повернулся к Канами-сан. — Эй! — окликнул он её. — Канами! Этот парень хочет побыть твоей моделью!

— Постой, Синья-сан! — наконец-то осмыслив ситуацию, я встал перед ним. — Я не могу просто так, то есть, отстань от меня!

— Стоп-стоп, чего это ты так смутился? Это едва вписывается в твой образ.

Канами-сан изменила положение своей коляски и посмотрела на меня. Она осмотрела меня сверху вниз, от макушки до пят. Оценив меня, она сказала:

— Так ты хочешь, чтобы я нарисовала тебя? — Судя по её голосу, она злилась.

На этот вопрос было тяжело ответить. Для кого-то столь же одаренного, как Канами-сан, простое стеснение больше походило бы на грубость. Я не был особо силен в таких ситуациях. Слабовольный человек. Девятнадцатилетний мальчик, который провёл всю свою жизнь, идя по течению, не имеет силы изменить направление истории.

— Да, конечно, если ты не возражаешь, — сказал я.

Казалось, что Канами-сан было безразлично.

— Хорошо. Тогда приходи ко мне в студию после полудня. — Сказав это, она развернула свою коляску обратно в сторону цветущей вишни. Она сказала это с апатией в голосе, но в итоге сжалась надо мной.

— Что ж, решено. Ты свободен после полудня? — подозрительно радостно спросил Синья-сан.

Я сказал ему, что я свободен, и решил уйти до того, как я встряну ещё во что-нибудь.

Я вернулся в особняк и ещё раз зашёл в комнату Кунагисы. Она была там же, где я её и оставил: она сидела в своём вращающемся кресле перед своими тремя ПК (точнее, двумя ПК и одной рабочей станцией).. Прямо сейчас она была сосредоточена на рабочей станции, а два ПК были выключены.

— Что задумала, Томо.

Ответа нет.

Я подошёл к ней сзади и потянул за обе её косы.

— Ау-у, — как-то странно произнесла она, будто только сейчас заметила моё присутствие. Не меняя свою позицию, она недоумённо начала глазеть на меня. Наверняка она видела меня, стоящим вверх ногами.

— О-ой, Ии-тян. Те вернулся с прогулки.

— Да, ну... Скажи, это Мак?

Монитор рабочей станции напротив Кунагисы отображал что-то, напоминавшее интерфейс MacOS. Насколько я слышал, MacOS работала только на Маках.

— Да, это MacOS. Видишь ли, есть приложения, которые работают только на MacOS, поэтому я использую виртуальную машину.

— Виртуальную машину?

— В общих чертах, я заставляю рабочую станцию думать, что в ней есть Мак. Другими словами, я обманываю программное обеспечение. Конечно, в ней есть и Windows. Большая часть ОС установлена на этой рабочей станции, поэтому она способна на всё.

— А-а...

Я не особо понял это.

— Это глупый вопрос, но чем вообще отличаются Mac и Windows?

Она немного задумалась над моим дилетантским вопросом.

— Они отличаются тем, что ими пользуются разные люди, — ответила она точно.

— Ну, да, это так, но... Ладно, забудь об этом. Получается, ОС — что-то вроде основного программного обеспечения, да? Мне кажется, что да. Так получается, что у этого компьютера будто раздвоение личностей?

— Это странная метафора, но можно и так сказать.

— Тогда какая основная ОС у этого ПК, то есть, этой рабочей станции? Типа при раздвоении личности у тебя есть «основная» личность, так?

— «Геоцид».

— Никогда о такой не слышал. Это что-то вроде «Уникса»?

— Это «Юникс», через «ю». Ты чего, ты ведь учился за границей: ты должен знать, что нельзя произносить алфавит по системе ромадзи, Ии-тян. Так ты только звучишь глупо. Но да, она совместима с Unix. Но это оригинальная ОС, разработанная вашим покорным другом.

— Другом...

Друг Кунагисы. Единственным другом Кунагисы, который смог бы разработать оригинальную ОС, был кто-то из той «команды». Из той печально известной «команды»

Несколько лет назад, в прошлом веке, во времена, когда японская сеть была ещё недоразвитой, объявилась та группа. Хотя, нет, слово «появилась» не совсем подходит.

Они даже на миг не позволяли ни своему облику, ни своей тени, ни даже своему запаху стать объектом наблюдения общественности. Они даже не раскрыли своего имени; какое имя у них ни было бы, оно применялось другими. Им было неважно, как вы бы назвали их: виртуальным клубом, кибертеррористами, ячейкой кракеров или бандой, сколотившей состояние из ничего, — да и, скорее всего, они бы не ответили.

Они были бесподобны, вид неизвестен, Сколько человек там было и какие люди входили в её состав? Всё это было огромной загадкой.

И что же они сделали?

Всё.

Они сделали всё, это всё, что можно было бы сказать о них. Они делали столько всего, что казалось, будто не было ничего, на что они не были способны. Они сеяли хаос, хаос и ещё больше хаоса. В то время я не был в Японии, поэтому я не смог увидеть всё это одним из первых, но поговаривают, что это был такой полноценный, смехотворный хаос, что он практически освежал, не указывая при этом на их мотивы или цели. Начав с чистого хакинга и кракинга, они также приложили свою руку к корпоративному консультированию и мошенничеству с посредничеством. Также временами высказывалось мнение, что тогда они управляли некоторым числом крупных корпораций.

Но нельзя было сказать, они существовали исключительно в форме помехи. К лучшему или к худшему, именно благодаря им общий уровень сетевых технологий стал значительно выше. Можно даже сказать, что они его форсировали. Если посмотреть на всё это внимательно, то да, определённо были некоторые потери, во в целом приобретения перешивали их в десятки раз.

Но, конечно же, толстосумы на верхушке видели в них разве что надоедливых преступников, постоянно нарушавших закон, и хакерско-кракерское бельмо на глазу. Так «команда» и существовала, преследуемая и презираемая. Но их так и не поймали, а то, чем они занимались, нигде и не освещали. Но где-то с прошлого года о них ничего не было слышно. Произошло это внезапно и без каких-либо конкретных событий. Будто они только что сгорели и испарились.

— Эй, что не так, Ии-тян? Ты так внезапно притих.

— Не... ничего.

Она взмахнула волосами, хихикая.

— Да, наверно, ничего такого...

Именно так та «команда» в итоге пришла к своему разочаровывающему концу. Кто бы мог подумать, что лидером этой ныне распущенной команды была беспечная девочка-подросток? Кто в здравом уме поверил бы в нечто настолько бессмысленное, что можно быть расценено исключительно как глупая шутка?

Но будь всё это не так, то Кунагису ни за что не пригласили бы на этот наполненный гениями остров. Не как специалиста по связи и системной инженерии.

— Как это у меня не может быть заскока, Синья-сан?

— Что? Ты что-то сказал? — Кунагиса мельком взглянула на меня.

— Просто мысли вслух, — сказал я. — Разве «геоцид» не означает «разрушение Земли»?

— Да. Из всех существующих ОС эта, наверно, самая потрясная. «Геоцид» — номер один. Даже RASIS идеально.

— Иногда мне кажется, что ты используешь такие большие слова, чтобы отругать меня. Что такое RASIS?

— Это аббревиатура, расшифровывающая как «Надёжность, доступность, работоспособность, целостность, безопасность». На английском, конечно же, — немного раздражённо ответила она.

— В общих чертах ей обозначают стабильность. Конечно, требуется высокопроизводительная система, но тогда не будет ошибок или чего-либо подобного. Чёрт, тот Атчан действительно гений. Хе-хе-хе.

«Атчан, да? Похоже, что они весьма близки.»

— Что? Завидно? А? А? — сказала она с озорной ухмылкой и необыкновенно довольным тоном.

— Всё нормально. Всё равно ты мне больше всех нравишься.

— А, ладно. Ценю это. — Я пожал плечами и попытался сменить тему разговора. — Но раз уж эта ОС такая поразительная, то почему бы её не выставить на продажу? Ты смогла бы сколотить состояние на этом, если бы она продалась так же, как и Windows.

— Нет, не могу. Ты ведь слышал про возрастающую отдачу от масштаба производства? С такой ОС мы вряд ли сможем нагнать Windows. Бизнес выходит за пределы умения или таланта. —

Возрастающая отдача. Закон экономики, гласящий: «Чем больше ты имеешь, тем больше ты получаешь.» Но он не работает с тем, чего у тебя нет. С момента, когда я его выучил, прошло некоторое время, поэтому я не помнил его точно, но если рассказать его простыми словами, то получится так: «Значительное отличие, которое однажды появилось, невозможно будет скрыть.» Казалось, что в этом нет смысла, будь то в отношении навыков или денег.

— К тому же Атчан уже удовлетворён фактом создания «Геоцида». Атчан весьма самодовольный человек.

— Ах, да, наверно, он очень счастлив.

— Даже если бы дело было не в этом, я всё равно была бы не уверена в том, что её возможно продать. Даже будучи просто основным ПО, оно имеет возмутительно высокие системные требования. Настоящие астрономические цифры. Даже моя машина едва удовлетворяет им.

— Хм. Сколько гигов на твоём жёстком диске? Примерно сто?

— Сто тера.

Другая единица измерения.

— Тера... это противоположность пета, значит... один гиг умножить на сто?

— Нет, на тысячу двадцать четыре.

Придирчивая девчонка.

— Чёрт, я никогда не видел таких жёстких дисков.

— Говоря конкретно, это не жёсткий диск: это голографическая память. В отличие от жёстких дисков, записывающих данные с помощью магнитов, она всё записывает на свою поверхность. Скорость передачи данных может достигать одного терабайта в секунду. То, что ты можешь найти в магазинах, скажем так, немного медленнее. Именно такие носители применяются в разработке космических технологий.

У неё и такие связи есть?

Она была частью совершенно сомнительного сообщества.

— Конечно, это касается и мощности машины, но у тебя вряд ли что-либо получится, если ты не изменишь характеристики материнской платы в домашних условиях. Атчан просто создаёт всякое, не задумываясь о последствиях для окружающего мира, видишь ли. Поэтому всё так и складывается. Он не пытается угодить другим людям.

— Изменённая на дому материнская плата? И кто-то этим занимается?

— Как ваш покорный слуга для себя. — Она указала на себя большим пальцем.

И то верно. Всё же она была инженером. Должно быть, именно она предоставляла другим «членам команды» железо и ПО, которые должны были стать их основным «оружием». Это было весьма тревожно, если задуматься над этим. Разработать ОС, которую вряд ли получится

продать, — это одно, а просто взять и собрать свою материнскую плату для неё казалось просто странным.

— Несмотря на название, ты не задумывалась о продаже этого нечто вроде той материнской платы, которой ты так гордишься?

— Я самодовольный человек. А ты, Ии-тян?

— Хм-м, дай подумать.

Несмотря на талант или его отсутствие, в итоге людей можно разделить на две группы: те, кто стремится, и те, кто создаёт. Даже отбросив мой случай, Кунагиса явно относилась ко вторым.

— А что касается денег, так у меня их и так много. Прямо сейчас я не планирую заработать ещё.

— Неудивительно.

Это была правда. Кунагиса была не в том положении, в котором ей пришлось бы срочно начать заниматься бизнесом. Не будет преувеличением и тот факт, что она тратила деньги так, будто это была вода. Девятнадцатилетняя девушка, снимающая элитный двухэтажный кондоминиум в Широаки и тратящая деньги так быстро, как может. Я не знал, у скольких человек в мире денег было больше, чем у Кунагисы, но никто точно не тратил так много.

И фонд Акагами, и хозяйство Кунагисы, обладавшее большей властью за гранью моего понимания, имели достаточное состояние, чтобы наслаждаться лучшими вещами вообще и при этом получать сдачу, несомненно.

Говоря о них, Кунагиса чем-то была похожа на Ирию, владелицу острова, тем, что её частично изгнали из её семьи. Возможно, они были похожи. Знаки, которые я замечал в течении трёх дней моего пребывания на острове, указывали прямо на противоположное, но, наверно, они обе были эксцентричными. Настолько, что у них вряд ли получилось бы смешаться с какой-нибудь группой или стать членами какой-либо организации.

Наверняка так всё и было.

В таком случае этот остров...

Значение этого так называемого острова перьев мокрого ворона...

Кунагиса продолжила печатать.

— Я собираюсь идти завтракать. А ты?

— Нет, спасибо, я не голодна. Сейчас сезон спаривания. Ии-тян, иди сам. Поешь и за меня.

Понял, сказал я и направился в столовую.